

В ОЖИДАНИИ СОБЫТИЯ

Театральное обозрение

В канун юбилея Октября в области завершилась неделя спонтанной, посвященных 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Об открытии недели наша газета уже сообщала.

Если судить об афише недели по названиям и жанрам, то производит она впечатление вполне благополучное. Здесь спонтанно-диспут «Дмитатура со-вести» по пьесе М. Шатрова в академическом театре имени М. Горького; в жанре народного лубка поставленная в ТЮЗа «Мельница счастья» по пьесе

В. Меравино и социально-психологическая драма В. Розова «У моря»; редчайшая для театра нууол попытка представить на своей сцене эпос — «Сказ о граде Лебедице» и спонтанно-урок «Буденовка», который играется прямо в школьном классе. Таганрогский театр имени А. П. Чехова обратился к произведению, созданному в 30-е годы, — «Смартри Занда» Ю. Олши, новочеркаские и шахтинцы — к современной драматургии; и постановке пьесы «Последний журавль» А. Дударова и А. Жука, «Экспертиза» В. Левашова.

Удачный выбор, как известно, — половина успеха. Театр имени М. Горького рассматривал пьесу М. Шатрова как возможность диалога со зрителем о путях революции. Это открытая публицистика, использующая опыт политических дискуссий 20-х годов, естественно, наполненная современным содержанием. В несколько искусственную конструкцию пьесы театр пытается вдохнуть живую жизнь, и это удается тогда, когда проявляются подлинный гражданский темперамент актеров (в монологе полудуемого, и сцене с генералом Карбышным).

Приятно отметить разножанровость спектаклей, поставленных на сцене ТЮЗа его главным режиссером В. Чигишевым. Приницип ярмарочного, площадного зрелища, избранный для «Мельницы счастья», позволил наполнить дух революционного времени, яростного, тревожного. Современная музыкальная стилистика помогла привлечь юную аудиторию к рок-драме «Собаки» по

повести К. Сергиенко. Пьеса В. Розова, созданная в традициях социально-психологической драмы, сохраняет и в спектакле эти жанровые признаки. Старая, как мир, тема: грехи отцов падают на детей — получает острое современное звучание. Крупного режиссера посадили за тяжкие преступления, а душа его сына изнемогает под их грузом. Герой розовской драмы, которого играет И. Мужжухин, ищет нравственной опоры — и не находит ее...

После затяжного кризисного состояния, в котором пребывает Таганрогский театр, его последние постановки несут надежду: «Арена» И. Фридберга, «Смерть Занда» Ю. Олши, включенная в репертуар театральную неделю. Сложная стилистика произведения Ю. Олши требует определенных усилий от зрительного зала, и те, кто не осваивал себя от этого труда, поняла, что постановщик спектакля М. Изюмский и исполнитель главной роли В. Ветров

говорят о мучительности поиска художником своего места в переломный момент эпохи. Герой Ю. Олши хочет понять, в чем его долг перед новым пролетариатом, о чем писать, когда в душе столько сомнений, когда предают близкие, лишая нервы и твердости.

Для Новочеркасского театра имени В. Ф. Комиссаржевской А. Дударев — автор, что называется, репертурный. На этой сцене шли спектакли по его пьесам «Рядовые» и «Вечер». Им сопутствовал успех, который, вероятно, рождает особое доверие театра к драматургу. В этот раз новочеркасская являно не критически отнеслась к новой пьесе А. Дударева «Последний журавль». В ней есть сюжетные линии, уже знакомые по другим литературным произведениям; она насыщена расхожими символами: здесь и центральная дорога, ведущая к солнцу; и крипица, к которой в трудную минуту припадают герои сценической истории; и мальчик,

принимающий эстафету жизни от ветерана...

Стандартность драматургии усугубляется постановкой Б. Филиппова, его желанием придать многозначительность самым простым вещам, непременно ввести поэтическое оформление, но все его элементы из данных давно устаревшего режиссерского арсенала. Единственная волнующая сцена в спектакле — разговор Мэтью (артист А. Коляхин) с ответственным лицом, по привычке считающим, что ему все дозволено. Актер сыграл драму честного, бескомпромиссного человека, который вынужден отступить (не перед наглым тузом — нет!), перед обстоятельствами, порожденными порочной системой. Он свдается, корежа себя, и это дорого ему обходится.

Можно сказать, что Шахтинский театр драмы имени Н. Погодина стал жертвой благонамерения: уж очень хотелось из шахтерского города привезти спектакль о горячих. По признанию главного

режиссера А. Шпаковского, это ему придавало силы для борьбы с пьесой. Почему надо было избирать произведение, требующее от театра борьбы с ним, а не искать драматурга-единомышленника, остается полной загадкой.

Пьеса В. Левашова «Экспертиза» — это слабая литература с банальными характеристиками и зияющими провалами в логике поведения персонажей. Думается, что так называемая производственная драматургия в своем «чистом» виде уже не может привлекать зрительского внимания. Необходимо ее иное качество, иная социально-психологическая глубина. В «Экспертизе» нам двоит представление лишь о глубине штрека, в котором происходит авария. На сцене темно, лишь коротко мерцают горящие лампочки. Поднятые вверх чернотатые ребристые конструкции висят над ползющими людьми. Действительно, полное ощущение, что вы в шахте. Но хочется чувствовать себя, как в театре,

и не как в шахте. Бытовые правдоподобие здесь никак не приводит к правде искусства.

Все персонажи больше рассказывают о себе, чем действуют, и актерам в такой драматургии просто нечего делать. Стоит ли удивляться тому, что объявленная режиссером борьба с нею кончилась поражением театра?

Боле строгое формирование репертуара требуется сегодня от новочеркасцев и шахтинцев. Уповать на спасительную «тему» не приходится. Навьюно полагать, что, не подкрепленная высокими художественными качествами, она сама уже является гарантией идеино зрелого спектакля. В этих двух театрах не заметно никаких следов репертурного поиска, без которого сценический коллектив увядает.

Примером изыскательности является репертурная политика театра кукол, который не имеет в своей афише случайных пьес. Поэтому и творческие удачи здесь — чаще. К ним жюри конкурса отнесло и спектакль «Буденовка» по пьесе В. Гайда, созданный актерами молодежной сцены. Его играют прямо в школьных классах, этот спектакль — урок, рассказывающий о юных защитниках революции и живой гайддаронской традиции.

Что внесла советская музыкальная комедия в традиции классической оперетты? Это, вероятно, собирались выявить артисты театра музыкальной комедии, подготовившие к празднику большого кошерта. Мы ожидали рассказа о том, как менялся герой оперетты,

как демократизировалась ее музыка, а увидели прихотливое сценелле дуэтов, сцен и балетных номеров, не связанных общим замыслом. Из произведений советского периода выбрано немало сцен, содержание которых прекрасно иллюстрирует известную фразу о том, что «вся французская контрбандя делается в Одессе». Они драматически не оправданы, произвольность сценического монтажа очевидна, и впечатляющий финал из «Вольного ветра» И. Дунаевского рождается словно ниоткуда, просто по воле сценариста.

Не забыты колоритные фигуры Мишки-япончика, королевы шансонеток, генеральской вдовы, белого офицера, Яшки-букири, но никто не вспомнил при подготовке сценария, что в истории театра есть случай, когда на оперетте плакали. Это было в 1943 году. В освобожденном городе шел первый спектакль — «Раскинулось море широко», и посвящался он тем, кто не вернулся с войны...

Зрители допских театров довольно давно пребывают в одном привычном настроении — в ожидании спектакля, который поразил бы смелостью мысли, оригинальностью формы. Но вот такого грандиозного театрального события пока не произошло. Может быть, потому, что еще не преодолена вчерашняя тига к привычной, усредненной — правильной драматургии и такой же режиссуре? Нет следов риска, эксперимента. А без них какой же театр?

Л. ФРЕЙДЛИН.